

OTTETEND

Ирина Муравьева

ОТТЕТЕЛЬ

И неем души твоей коснусь

РОМАН

ЭКСМО

Москва

2014

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
М 91

Художественное оформление серии *А. Старикова*

Выражаем благодарность кинокомпании ООО «Мармот-Фильм»
и лично Валерию Тодоровскому и Дмитрию Давиденко
за предоставленный сценарий и кадры из телесериала
«Оттепель»

Муравьева, Ирина.
М 91 **Оттепель.** Инеем души твоей коснусь : роман / Ирина
Муравьева. — Москва : Эксмо, 2014. — 288 с. — (Отте-
пель. Киноroman).

ISBN 978-5-699-76717-5

На «Мосфильме» кипят страсти: Виктора Хрусталева, известного оператора, арестовывают прямо на съемочной площадке. Его подозревают в убийстве! Вся съемочная группа в смятении. Что будет с фильмом? Как продолжить съемки? Марьяна, любовница Виктора, делает отчаянную попытку помочь своему возлюбленному: признается, что в ночь убийства они были вместе. Но никто не воспринимает ее слова всерьез. Никто, кроме бывшей жены Хрусталева. Она решает ему помочь. Но что движет прекрасной Ингой?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-699-76717-5

© Муравьева И., 2014
© ООО «Мармот-Фильм», сценарий, 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

Вступление

После вечеринки в доме Федора Кривицкого, известного режиссера «Мосфильма», оператор Виктор Хрусталев и сценарист Константин Паршин до утра сидели в привокзальном буфете. Выпито было очень много, но еще больше было ими сказано друг другу в эту ночь. Паршин упрекнул Хрусталева в том, что его отец, главный конструктор страны по ракетам, устроил своему сыну бронь в конце 1944 года. Не отдавая себе отчета, он надавил на самую больную точку: Виктор не забыл того, что все его одноклассники пошли на фронт и погибли, а сам он отсиделся в конструкторском бюро. Когда же зашла речь о сценариях самого Паршина, то Костя очень просто и беспощадно объяснил Хрусталеву, что ни один из его лучших сценариев не увидит света. Особенно безнадежно «протолкнуть» сценарий о войне, который называется «Детство Кости». Они пили и разговаривали, спорили, мирились и опять пили. Виктор почти не помнил того, как закончилась первая ночь, следующий день и вторая ночь.

Наутро Хрусталеву позвонили с «Мосфильма» и сказали, что Паршин выпал из окна и погиб. На его поминках Хрусталев столкнулся с Егором

Мячиным, выпускником ВГИКа, задиристым и талантливым человеком, который обратил на себя внимание тем, что безутешно плакал на похоронах. Почти случайно выяснилось, что именно у него и находится тот самый сценарий, о котором несколько дней назад Паршин рассказывал Хрусталеvu. Более того, и у Виктора Хрусталева, и у Егора Мячина осталось два шуточных, на первый взгляд, «документа», а лучше сказать — завещания. Константин Паршин завещал свой сценарий им обоим: Мячину — режиссеру и Хрусталеvu — оператору.

Директор «Мосфильма» Пронин категорически отказался даже обсуждать возможность экранизации паршинского сценария. Тогда Виктору удалось «перетащить» Мячина режиссером-стажером на съемки фильма Федора Кривицкого «Девушка и бригадир». Теперь вся надежда их была на то, что будущий успех фильма поможет им получить разрешение на создание ленты по сценарию покойного Паршина. Съемки «Девушки и бригадира» начались не самым веселым образом: счастливый и пьяный по случаю рождения дочери режиссер Кривицкий упал с партикабля и сломал себе копчик. Вся нагрузка целиком легла на плечи неопытного и нетерпеливого Мячина. Главные женские роли достались бывшей жене Хрусталева Инге и молоденькой студентке МГУ Марьяне Пичугиной. Не только Марьяна получила роль главной героини Маруси, но и ее брат, Александр Пичугин, известный всей Москве закройщик и дизайнер одежды, стал в этом фильме художником по костюмам.

Между тем расследование подробностей гибели Константина Паршина продолжалось. Следователь уголовного розыска Цанин два раза вызывал к себе Хрусталева повесткой, требуя дать объяснения, как именно случилось то, что Паршин выпал из окна. Виктор впервые в жизни почувствовал себя так, как чувствуют люди, приговоренные к казни.

А тем временем вся съёмочная группа вместе с Георгием Таридзе, директором картины, главным осветителем Аркашей Сомовым, над любвеобильностью которого все постоянно подсмеивались, народным артистом Геннадием Будником, играющим главную мужскую роль, помощницей режиссера Региной Марковной, оператором Люсей Pollyниной и другими отправилась на съёмки в одну из подмосковных деревень. Атмосфера любви-ревности-страсти дошла до своей кульминации именно сейчас: Марьяна любила Виктора Хрусталева самой глубокой и жертвенной любовью, мучаясь тем, что их роман, только что разгоревшийся в Москве, по желанию Хрусталева закончился. Это совсем не означало, что девушка перестала притягивать его. Дело было в другом: Хрусталев до сих пор не смог избавиться от чувства к Инге, своей бывшей жене и матери их тринадцатилетней дочери. Егор Мячин, случайно познакомившийся с Марьяной в ателье ее брата, с каждым днем понимал все острее, что их встреча была для него судьбоносной. Когда Марьяна, первый раз в жизни попробовав коньяк на вечеринке после начала съёмок, подда-

лась его поцелуям и не оттолкнула его, как делала это раньше, Мячин потерял голову.

Ингу разрывали противоречия: она и презирала своего бывшего мужа, и тянулась к нему. Слишком сильным было и то, что когда-то соединило их, и то, от чего их шестилетний брак распался.

Через два дня после начала съемок произошло неожиданное для всех событие: за Хрустальевым приехала машина и его арестовали по подозрению в убийстве Константина Паршина.

Глава 1

В самом разгаре веселья, когда особенно душисты травы и особенно хороша глубокая летняя ночь с ее простодушными звездами, приехала машина, из которой вылез маленький, с тусклыми глазами человек, сопровождаемый двумя милиционерами, и сообщил, что оператор Виктор Сергеевич Хрусталеv арестован по подозрению в убийстве сценариста Константина Анатольевича Паршина. И тут же надели на оператора наручники, маленький, с тусклыми глазами развалился рядом с шофером, милиционеры и арестованный втиснулись на заднее сиденье, и машина отъехала, подняв густую, сверкнувшую в свете фар проселочную пыль. Она скрылась за деревьями, а съемочная группа в составе пятнадцати человек так и осталась сидеть за столом, и первые несколько минут никто не произнес ни слова. Потом все заговорили очень бурно, перебивая друг друга и жестикулируя.

— Да что они, охренели, что ли? Взять и арестовать человека? Это не сталинские времена!

— Пускай нам сначала улики предъявят!

— А мы-то как зайцы! Надо было потребовать...

Но, выпустив пар в виде криков и ругательств, все опять замолчали, понурились и вскоре разошлись по своим комнатам, где в конце концов провалились в тяжелый и тревожный сон. Но спали не все. Режиссер Кривицкий вышел на крыльцо уже в пижаме, закурил, разгоняя ладонью комаров и разных других насекомых, и, судя по его напряженному и злому лицу, начал анализировать то, что произошло. Он хмурил брови, морщился, потом недоуменно поднимал глаза к звездам, потом опускал их и пожимал плечами. По всему было понятно, что режиссер разговаривал с какими-то невидимыми собеседниками, убеждал, спорил, негодовал и горячился. Докурив третью сигарету и раздавив окурочек босой пяткой, Кривицкий, видимо, принял какое-то важное решение, глубоко вздохнул и пошел спать.

Инга Хрусталева, бывшая жена только что арестованного оператора, и Марьяна Пичугина, его девятнадцатилетняя любовница, лежали на кроватях, разделенных узкой ковровой дорожкой, не смотрели друг на друга и не разговаривали. Потом Инга встала, подошла к открытому окну, закурила

и, кажется, всхлипнула. Но все это — тихо, сдавленно, словно гордость или какое-то другое чувство мешали ей.

Марьяна не плакала. Она смотрела на потолок широко открытыми, сухими глазами, но видела не эти неотштукатуренные доски с каплями застывшей кое-где смолы, поблескивающей в свете ночника, — она видела лицо Хрусталева, каким оно было в ту минуту, когда на него надевали наручники. Она видела, что он вдруг зажмурился, а потом быстро открыл глаза, но ни испуга, ни растерянности в них не было, а было, напротив, выражение какого-то облегчения, как будто он долго ждал, что все это должно произойти, и внутренне был готов к этому.

«Мне показалось! — думала она, снова и снова вспоминая его глаза. — Конечно же, мне показалось. Ведь он ни в чем не виноват! Он не мог ждать, что его арестуют!»

Сердце ее стучало, голова раскалывалась, руки и ноги были холодными как лед. В памяти выплыла страшная ночь, когда в комнате горела новогодняя елка, под которой лежала завернутая в золотую бумагу кукла, и вдруг позвонили в дверь, пришли незнакомые люди, перевернули все вверх дном и увели с собой папу и маму.

— Я не отдам его! — прошептала она, не сводя блестящих глаз с потолка. — Я лучше умру, но его не отдам!

Инга докурила, отошла от окна, кутаясь в свой белый платок, и осторожно легла, скрипнув кроватью.

— Марьяна, не спишь? Он никого не убивал. Он способен на все, что угодно, я это знаю, но убить или причинить кому-то физическую боль он просто не может.

Марьяна скосила глаза в сторону *его* жены. В деревне уже пели петухи, начало светать. Из сумрака выступил мягкий профиль Инги, завиток на высоком лбу, локоть.

«Она еще любит его! — вдруг поняла Марьяна и вся содрогнулась от своей догадки. — Она боится за него! Не так, как бояться за очень знакомого человека, не так, как за отца своей дочери, она боится потерять его, потому что он нужен ей, может быть, даже необходим, она с ним так и не рассталась до конца и никогда не расстанется, и они оба знают это...»

К завтраку все вышли с помятыми лицами, непричесанные, пряча друг от друга глаза. Только гримерша Лида, со своими белыми, вытравленными перекисью кудряшками, так сильно накрасила ресницы, что они стали похожи на мохнатых

пчел, а платье надела шелковое, нарядное, с воланами, будто собралась на Первомайскую демонстрацию.

— Егор Ильич! — заворковала гримерша, дождавшись спустившегося наконец с крылечка Егора Мячина, по воспаленному взгляду которого было видно, что он ни минуты не спал. — Егор Ильич! Я вам тут кашки уже положила, яичко почистила вкрутую, садитесь сюда!

Мячин рассеянно кивнул, но рядом не сел, а остался стоять, и видно было, что он тоже кого-то дожидается и нервничает. Марьяна и Инга появились почти одновременно. Инга выглядела спокойной, словно бы заледеневшей, а Марьяна осунулась и вся горела, как будто у нее подскочила температура.

Мячин близко подошел к ней, стараясь заглянуть в глаза.

— Я ждал вас, — тихо сказал он. — Я хотел вам сказать, что вы мне дороже всего и что я...

— Егор! — перебила она, покраснев то ли от досады, то ли от стыда за него. — То, что я вчера поцеловала вас, и то, что мы... ну, то, что мы с вами так целовались в лесу, это ни о чем не говорит... Я просто выпила и сама не помню, что это на меня нашло... Вы меня простите, пожалуйста...

— Конечно, — убито ответил Мячин. — Я тоже хотел вам сказать, что если вам лучше, чтобы я никогда не напоминал вам о том, что было вчера, то я никогда... То есть я не напомню вам... И сам постараюсь забыть.

— Да! Очень прошу вас! Спасибо! — пробормотала она и быстро отошла, налила себе стакан чаю из огромного, уже заваренного чайника, села поодаль на траву и стала рассеянно дуть на свой чай, не притрагиваясь к нему.

Последним вышел Кривицкий, хмуро оглядел съемочную группу, не поблагодарив, взял из рук Регины Марковны намазанную маслом булку с большим куском колбасы «Любительская», свежей, ярко-розовой, с жирком, и сообщил, что едет в Москву сначала к директору «Мосфильма» Пронину, а если тот откажется хлопотать за Хрусталева, то немедленно прямо в прокуратуру.

— А вы тут работайте! — повелительно сказал он. — И никаких истерик. Поеду и сам разберусь. Письмо напишите, пока я поем. Коллективный протест против задержания Хрусталева и... ну, как это там? Что мы за него все, короче говоря, ручаемся.

— Руча-а-а-емся? — протянул народный артист Будник. — Вот так вот: «ручаемся», да?

— Вот так вот: ручаемся! Да! — Кривицкий раздул ноздри. — А ты против чего возражаешь, Геннадий Петрович?

— Я не возражаю, я лишь уточняю. Меня самого один раз в кутузку загребли. Вступился за девушку, спас. Давно, правда, было. Приятного мало!

— Герой! — иронически воскликнул Кривицкий. — Не нам всем чета!

Он откупорил бутылку лимонада, с жадностью отпил половину и вскоре отбыл на служебной машине. Мячин приказал немедленно готовиться к съемкам. В гримерной Марьяна опять столкнулась с Ингой Хрусталевой, которая с тем же заледеневшим лицом сидела перед зеркалом, не отвечая на вопросы гримерши Жени, и смотрела на свое отражение мрачными и безучастными глазами. Марьяна села рядом. Лида быстро распустила ее длинные и пушистые волосы, сказав сквозь зубы: «Никаких укладок не нужно, они от природы такие», и по ее завистливо блеснувшему взгляду было видно, что этот факт не приносит Лиде никакой радости. Будник заглянул в дверь, попросил, чтобы ему припудрили лоб и слегка подкрасили губы.

— Теперь без Хрусталева, — присвистнул он, — мы все заблестим. Сколько надо мной операторов